

Василий ВОРОН

Другие двери

16+

Василий Ворон
Другие двери

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Ворон В.

Другие двери / В. Ворон — «ЛитРес: Самиздат», 2014

Сколько миров таится за дверью нашего, привычного мира? Кто живет в этих мирах? Несколько человек оказываются выброшенными в параллельные вселенные. Способным вернуть их обратно оказывается сумасшедший с исковерканной судьбой. Повесть была опубликована в журналах «Уральский следопыт» и «Искатель».

Содержание

1	6
2	9
3	12
4	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

*Слушай своё сердце.
Ему внятно всё на свете,
ибо оно сродни Душе Мира
и когда-нибудь вернётся в неё.
Пауло Коэльо*

*Просите, и дано будет вам;
ищите, и найдёте; стучите, и отворят вам;
Ибо всякий просящий получает,
и ищущий находит, и стучащему отворят.
Евангелие от Луки, 7: 7 – 8*

1

Где-то за окном громко каркнула ворона. Я понял, что спать больше не хочу, и стал настороженно прислушиваться к тому, что происходило в моём организме. Меня уже не мутило, но я боялся, что это лишь временное затишье, и продолжал неподвижно лежать.

Снова каркнула ворона и, судя по звукам, спланировала прямо на крышу – по кровельному железу глухо заскрежетали её когтистые лапы.

Дёрнуло же меня отведать вчера на улице этих дурацких пирожков неизвестно с чем. И ведь есть не хотелось, да подумалось: чем могут накормить в столовой военного гарнизона? Вот и решил закусить чем-нибудь, упреждая уставное хлебосольство. Конечно, кулинарных изысков в полку не было, но я остался доволен. А когда начались подозрительные завихрения в животе, сразу вспомнилась вертлявая уличная продавщица и её «пирожки горячие». Сам виноват. Вот и отмокай тут.

Не до такой уж степени мне было плохо вчера, но лейтенант, будучи приставленным ко мне командиром полка в качестве экскурсовода-проводящего, тревожно оглядев меня спустя три часа после тех пирожков, и словно бы услышавшего, как грозно бурчит у меня в животе, сказал:

– А ну её, эту гостиницу. Отвезу-ка я вас в наш госпиталь.

Заметив на моём болезненно бледном лице гримасу протеста, он добавил:

– Да бросьте вы. У нас там не хуже, чем в гостинице. Вас наверняка в инфекционное отделение определят, а там сейчас пусто, один только зам. по тылу прохлаждается: опять чем-то отравился.

Мне становилось хуже, и я махнул рукой – делайте, мол, что хотите.

Сразу по прибытии в госпиталь меня, наконец, вывернуло. Мне сразу стало легче, и я заснул в пустой палате на пять коек.

И теперь я лежал щекой на подушке, затянутой белой казённой наволочкой с бледным штампом «инф. отд.», вспоминал это всё, и мне было стыдно. Приехал из района корреспондент и нате вам – заблевал всю округу. Позорище...

Ворона со скрежетом расхаживала по железной крыше, а на меня с новой силой навалилась тоска, не отпускаящая вот уже долгое время.

Скоро 40 дней, как погиб лучший друг Лёшка, с которым вместе протирали штаны ещё в школе, а потом и учились в одном институте, правда, на разных факультетах. Я знал, что непременно должен быть на поминках, но совершенно не представлял, как мне это перенести. Мне больно и страшно было снова заглянуть в чёрные глаза Дины, и я не знал, что ей скажу, а ведь сказать что-то будет нужно. Никто не был виноват в случайной и потому нелепой смерти Лёшки, но я всё равно почему-то чувствовал себя в ответе за его гибель. Я и в глухомань эту командировочную напросился, лишь надеясь на то, что задержусь здесь, закручусь и не попаду на сороковины, хотя надежда на это была очень мала: литературный очерк про мирные будни позабытого Богом военного гарнизона не предвещал никаких задержек.

Вспомнив о цели этой своей командировки, то есть о будущем очерке, мне стало ещё тоскливее. Ладно бы ещё тема была стоящая, но кто же станет читать эту никому не нужную скучищу в и без того скучном районном журнале, да ещё без сопровождающих подобную писанину фотографий?

– Ничего, выкрутимся без «картинок». Ну, нет у меня фотокода для тебя! – напутствовал в редакции Самсоныч. Да я и не был против того, чтобы ехать одному, наоборот, хотелось побыть вдаль от знакомых людей, лучше даже вообще в одиночестве.

Я обвёл глазами пустую палату – вот тебе и одиночество. Что хотел, то и получил. И тут, словно в ответ на мои мысли, дверь смело распахнулась и явила мне отягощённого лишним

весом человека с фиолетовыми щеками в мягком домашнем халате красного цвета. Он привычно окинул взглядом палату, цепко пройдясь по тумбочке возле моей койки, и уставился на меня. «Зам. по тылу», – вспомнил я лейтенанта и приподнял над подушкой голову.

– Пожрать чего-нибудь есть? – угрожающим шёпотом спросили щёки. Я отрицательно помотал головой. Толстяк пожевал губами, недобро сверля меня взглядом, разочарованно прогудел:

– Хреново, – и скрылся за дверью, даже не потрудившись прикрыть её плотно. Напоминание о еде неприятно всколыхнуло что-то у меня внутри, я снова положил голову на подушку, с неприязнью вспоминая фиолетовые щёки: «Чтоб тебя...». Я полежал ещё немного, тревожно ожидая каких-либо неприятных ощущений после вчерашнего, но ничего угрожающего так и не дождался. Тут дверь снова открылась, но на этот раз предвестник неуёмного аппетита – красный халат – мне увидеть не довелось. Вместо него в палату мягко прокралась совсем юная девушка – тоже в халате, только снежно-белом. После искателя продовольствия она напомнила ангела.

– Доброе утро, – тихо сказала она, махнув пушистыми русыми ресницами, и сунула мне в руку холодный градусник. – Поставьте, пожалуйста.

Я подчинился, с удовольствием слушая шуршание её накрахмаленного халата, пока она покидала палату.

Температура оказалась нормальной. После того, как меня лишили градусника, я поднялся и обнаружил, что чувствую себя в целом неплохо, хотя о еде думать было всё равно неприятно.

Лейтенант не обманул – одноэтажное деревянное здание инфекционного отделения казалось вымершим, словно после эпидемии. На этот раз, ничуть не разрушая это ощущение, в конце коридора, пересекавшего здание ровно посередине, мелькнул пожарно-красный халат, будто олицетворение этих самых смертельных вирусов. В комнате у самого выхода сидела крахмальная сестричка, и что-то писала в огромном и с виду ветхом журнале, мельком взглянув на меня. Вчера оценить окружающую действительность я не имел ни желания, ни возможности, и занялся этим сейчас, выйдя на крыльцо.

Длинный одноэтажный барак инфекционного отделения оказался на изрядном удалении от главного корпуса госпиталя, четырёхэтажное кирпичное здание которого виднелось за деревьями. Я почувствовал себя в настоящей изоляции – территория инфекционного отделения была обнесена заборчиком, вокруг которого рос шиповник, заменяя, очевидно, столь популярную в армии колючую проволоку. Выглядело это весьма органично: вроде и не по-армейски, но устав соблюден. Забор, как и полагалось, имел калитку, за которой виднелась дорожка, ведущая на основную территорию, к главному корпусу. пейзаж был не просто безрадостным, а даже удручающим, но за пять лет работы в журнале, мотаясь по самым невероятным захолустьям необъятной Родины, я привык переносить всё это спокойно и, мало того – равнодушно, хотя именно этого при моей древней профессии никак нельзя было допускать. Журналист должен быть объективным, но никак не равнодушным.

Неподалёку от калитки располагалась традиционная армейская курилка – вкопанный в землю до половины железный бак, аккуратно заполненный на треть древними окурками, и окружённый с трёх сторон скамейками. Курить хотелось нестерпимо. Доставая сигареты и зажигалку, я направился не в отведённое для этой губительной для здоровья затее место, а к большому чёрному валуну, лежавшему по другую сторону от калитки. Утреннее солнце хорошо прогрело этого свидетеля отступления ледника, и я с удовольствием уселся на его твёрдую шершавую поверхность. С институтской военной кафедры я терпеть не мог никаких уставов и надеялся, что ко мне, как к человеку гражданскому, придираются не будут. Блаженно делая первую, самую вкусную затяжку, я сквозь сизый дымок окинул взглядом территорию отделения. Неподалёку от барака стоял аккуратный сарайчик, похожий, скорее, на маленький

домик. К сарайчику – или что это там у них было – вела узкая асфальтированная полоска, которая огибала, расширяясь, барак инфекционного отделения и упиралась в калитку. Я не поленился и, поднявшись с валуна, подошёл к этой калитке и тронул её – она бесшумно и легко подалась, развеивая мысли о заточении. Я осторожно огляделся – не видел ли кто этих моих несерьёзных действий – и вернулся на свой камень.

Оживляя невеликий прямоугольник территории, кое-где росли ухоженные яблоневые и вишнёвые деревья. Где-то не слишком далеко, скрываемое деревьями и кустами шиповника, пролегалo шоссе, дающее о себе знать шумом изредка проходивших по нему машин – госпиталь стоял на окраине городишка.

Я докурил сигарету, растерзал окурок о камень, на котором сидел и зашвырнул куда-то за забор. Веселее на душе не становилось. Уже сегодня, скорее всего, я покину это унылое место, стану изучать быт офицеров и солдат, сопровождаемый для порядка уже знакомым мне лейтенантом, и через неделю очерк будет тоскливо читать Самсоныч. Пуская дым своего неизменного чудовищного «беломора» прямо в тощую стопочку листов он, прищурившись, хитро посмотрит на меня поверх огромных своих очков и, конечно, скажет:

– Скучно, Андрюша. Очень скучно.

– Что скучно, Марк Самсонович?

– Живём скучно, Андрюша, – и, поглядев воровато на закрытую дверь, добавит, доверительно понижая голос: – Фигнёй занимаемся...

И, бросив на стол мои машинописные листы, и размашисто расписываясь прямо поверх текста, зычно рявкнет:

– В набор!

2

Прямо надо мной каркнула ворона. Я поднял голову, пытаюсь разглядеть её в ветках яблони, которая росла неподалёку. Блуждая взглядом среди листвы, я почувствовал, что у меня закружилась голова. Только этого ещё не хватало. Встать с камня совсем не хотелось, и я поёрзал на нём, устраиваясь поудобнее. Вдобавок к головокружению тело начала заполнять, словно вода пустую бочку, неприятная слабость. Вот и продолжение вчерашних пирожков, а я уже было, собрался перебираться отсюда в гостиницу...

Ворона внимательно разглядывала меня, сидя на ветке. Может быть, именно она разбудила меня сегодня?

Тут я почувствовал, что кто-то тянет меня за рукав, и обернулся. Рядом со мной стоял человек неопределённого возраста в серой выцветшей спецовке с множеством карманов и таких же штанах. У него были длинные полуседые волосы, собранные сзади в хвост, а двухдневная щетина подчёркивала впалые щёки.

– Нельзя! – сказал человек, тревожно глядя на меня.

– Что нельзя? – я попытался освободиться от его крепкой хватки, но в следующую же секунду мне пришлось вскочить, потому что человек так сильно потянул меня за рукав, что иначе я бы просто упал. Ошарашенный таким напором, я последовал за настырным чудачком, который доволоч меня до курилки и, ловко толкнув, заставил сесть на скамью.

– Нельзя! – повторил он, строго глядя мне в глаза, и показал пальцем в сторону валуна. Я так и не понял, что же было нельзя – то ли сидеть на камне, то ли курить в неположенном месте (наверное, он всё видел, хотя мне казалось, что поблизости никого не было).

– Почему нельзя? – спросил я его снова, но чудак уже повернулся ко мне спиной и пошёл к сарайчику. Скорее всего, он и появился именно оттуда – дверь домика была распахнута, а рядом стояла прислонённая к дощатой стене метла. Человек дошёл до двери, плотно прикрыл её, подхватил метлу и зашагал к калитке. «Дворник», – определил я, чувствуя, как меня захлёстывает запоздавшая из-за стремительности произошедшего волна недовольства и неприязни к нему, а он, проходя мимо, взглянул на меня как-то ласково и виновато, как на ребёнка, которого ему пришлось наказать за дело и, смешно погрозив пальцем, повторил, как бы уже просительно:

– Нельзя.

– Чудило... – пробормотал я растерянно, разглаживая смятый рукав своей джинсовки ладонью, с удивлением отмечая, что волна гнева к этому человеку удивительным образом исчезла. Дворник аккуратно затворил за собой калитку и пропал. Снова захотелось курить, но голова ещё кружилась, и я решил «отравиться» в другой раз. С яблони грузно сорвалась ворона и, каркнув для порядка, захлопала крыльями куда-то в сторону.

Я стал хмуро ждать приступов тошноты, которых почему-то всё не было, и тут калитка распахнулась, и на дорожку шагнул средних лет мужчина в военной форме с погонами полковника медицинской службы на зелёной рубашке. Он заметил меня и свернул с дорожки в сторону курилки.

– Здравствуйте, – сказал он добродушно и протянул мне руку. – Игнатий Савельевич, заведу этим хозяйством.

Он элегантно повёл рукой по направлению барака с сарайчиком и протянул ладонь мне. Я неловко привстал:

– Андрей.

– Просто Андрей? – весело уточнил Игнатий Савельевич, присаживаясь рядышком. Я терпеть не мог, когда меня величали по имени-отчеству, и сказал:

– Просто. Мне так больше нравится.

Игнатий Савельевич быстро взглянул на часы и снова обратился ко мне:

– Вы ведь корреспондент?

Я смутился как мальчишка, которому предстояло оправдываться за разбитую накануне чашку, и попытался сострить:

– Да, готовлю статью под названием «Богатая палитра ощущений при пищевых расстройствах».

– Как вы? – кивнул на меня подбородком Игнатий Савельевич. От его доброго взгляда мне стало будто легче, он ещё больше понравился мне и я ответил:

– Хоть сейчас на борозду. Вот только голова кружится...

Игнатий Савельевич, кивая, приложил тыльную сторону ладони к моему лбу. Я окончательно почувствовал себя ребёнком и улыбнулся.

– Ничего, ничего, – успокоил меня Игнатий Савельевич. – Завтра, надо полагать, и выйдете на свою борозду.

Тут калитка отлетела в сторону, с размаху громко брякнув по доскам забора.

– Иди, дура! – послышалось за забором и в калитку влетела серая коза, таинственно разлинованная с одного бока блёкло-синими вертикальными полосами. Вслед за козой вкатилась невысокая тётка с фигурой, расхोдившейся сверху вниз всё более расширяющимися сферическими окружностями, как детская пирамидка или колокол. За длинной юбкой ног её видно не было, отчего создавалось впечатление, будто тётка действительно катится на невидимых колёсиках. Сверху это колоколообразное создание природы венчал платок, повязанный так, что узелок размещался точно на лбу. «Баба на чайник», – подумалось мне.

– Ульяна Петровна! – развёл руками Игнатий Савельевич, привыкший, как видно, к подобным выходкам.

– Игнатий Савельич, голубчик! – полилось из колокола. – Мой-то алкаш вчера вусмерть приполз, я его в дом-то и не пустила. Так он, зараза, в сараюшке спать наладился, а Зебру выпихнул. Мне с утра на работу, а он дрыхнет, да ещё дверь подпёр изнутри, а куда ж я Зебру-то дену? Нешто в дом? Игнатий Савельич, голубь, пусть она подежурит тут со мной до завтра, а?

– Почему до завтра, вам же только до вечера?

– Да я Зинку из хирургии подменяю на ночь, – Ульяна заискивающе смотрела на Игнатия Савельевича, крепко держа за спиной конец верёвки, за которую была привязана коза, которая стояла как вкопанная посреди асфальтовой дорожки и напряжённо сверлила левым глазом нас с Игнатием Савельевичем.

– Ну куда мне её? Прикажете в палату определить? – ласково спросил врач, напоминавший сейчас Айболита в ополчении. Чувствуя обнадёживающие нотки в его голосе, Ульяна подкатилась ближе, сдёрнув свою козу с дорожки, как детскую машинку на верёвочке, и затарахтела:

– Да что вы, куда ей палату – нешто она больная? Она и тут, у каменюки этой попасётся.

– А если кору на яблоне объест?

– Да по зубам ей, окаянной! Где же объест? Я её подальше привяжу, не доберётся.

Игнатий Савельевич устало махнул рукой:

– Ладно, что с вами сделаешь. Только чтоб тихо и никаких безобразий. И после прибрать хорошенько. Доведёте вы меня до трибунала...

– Игнатий Савельич, вот спасибочки! – тут же бросилась привязывать козу к забору Ульяна, ловко мешая благодарственные слова с ругательствами, адресованными Зебре. – Иди сюда, дура, вот уважили, да стой, зараза, голубь вы наш, благодетель...

Игнатий Савельевич как-то виновато посмотрел на меня и, зачем-то оправдываясь, сказал:

– Нельзя, конечно, но куда мне их? А Павла Федоровича, нашего главного, сегодня в госпитале нет, так что, авось обойдётся.

Он вздохнул и неожиданно и хитро подмигнул. Я рассмеялся и спросил его:

– А почему Зебра?

– Не знаю, но похожа, – и крикнул Ульяне: – А почему Зебра, Ульяна Петровна?

Продолжая возиться с козой, и тщательно прикидывая расстояние до яблони, Ульяна ответила:

– Да раньше-то Машкой была. А аккурат месяц назад я забор наш покрасила, а мой-то алкоголик нажрался в тот же день, да у забора завалился, а Зебру, значит, к самому забору притёр. Он лежит, ему хоть бы хны, а она орёт... Подкрашивать потом пришлось.

– Кого – козу? – хохотал Игнатий Савельевич.

– Зачем козу? Забор... Сиди тут, гримза! Пойду я, Игнатий Савельич, поработаю, что ли...

И Ульяна быстро покатила к крыльцу отделения. У забора осталась коза, уже пощипывавшая скудную травку неподалёку от валуна.

Игнатий Савельевич поднялся:

– Ну, пойду и я поработаю. Отдыхайте, Андрей. Ещё увидимся.

Я остался созерцать Зебру. Солнце добралось уже до курилки и в куртке стало жарко. Я вяло стянул её с себя и положил рядом. Было скучно. Голова всё ещё кружилась, и я решил пойти в палату и прилечь, надеясь, что смогу забыться сном.

Проходя по коридору мимо неплотно прикрытой двери с табличкой «заведующий отделением», я услышал сиплый бас обладателя красного халата:

– Да что же это такое, Игнатий Савельевич?! Неужели другой еды нет? Сколько же можно эту дрянь жрать?

– Ничего не поделаешь, Василий Ильич, придётся потерпеть...

3

Я добрёл до своей палаты и лёг на койку. Пролежав впустую полчаса, стало ясно, что уснуть не удастся. А тоска всё давила и не было от неё спасения. Я гнал от себя мысли о предстоящей работе, но знал, что работать, всё-таки, придётся.

Прав Самсоныч. Фигнёй занимаемся. Зачем писать то, что всё равно никому не нужно? Просто ради того, чтобы заполнить ровными рядами строчек листы журнала? А потом эти журналы – те из немногих, что будут куплены, отволокут, собрав в тяжёлые стопки, в пункт вторсырья для последующей переработки. Бумагу будто бы экономим, а бережём ли само СЛОВО? Для чего бросаем его в пустоту?

Или, может быть, всё дело в том, КАК писать? Вдруг и здесь, в захолустном городишке с его военным гарнизоном найдётся, что сказать людям стоящего? Ведь людские страсти кипят везде – и в столице, и в глухой деревне – всюду, где живут люди. Ведь и Достоевский писал о простых людях, всего лишь обнажая их душу, то, что тревожило их, звало куда-то. И эти исследования человеческой сути до сих пор читают люди, и задумываются о прочитанном. Выходит, что просто я – бездарный писака, возомнивший, что я – величина, а кругом – мелочь, серость и глушь?

Я перевернулся на спину и стал смотреть в потолок.

Что же я есть на самом деле?

Отец мой был геологом. Не вылезал из экспедиций, появляясь дома лишь изредка, и снова уходя в Сибирь, в тайгу. Я обожал, когда он находился дома, это был настоящий праздник.

У ребят из моего двора и из школы отцы тоже бывали в командировках (слово для меня чужое, я привык к слову «экспедиция»). Из этих командировок они привозили своим сыновьям подарки – от игрушек до действительно полезных вещей. Я тоже ждал от отца подарков, но подарки эти были совсем иного рода. Он привозил из вечных своих экспедиций рассказы. И рассказы эти были не только описанием всевозможных случаев, приключавшихся с ним и его товарищами, но также байки охотников, егерей и просто жителей таёжных деревень, с многими из которых отец был знаком и дружил. Рассказывал отец мастерски, я мог слушать его бесконечно долго, забыв обо всём на свете. Когда отец бывал дома, к нему постоянно заходили в гости его друзья-геологи, а были и те самые таёжные охотники, правда, случалось это реже. От людей этих так и веяло какой-то мощью, спокойствием и надёжностью. Казалось, что окажись ты с этим человеком где угодно и в самых немыслимых условиях, никакая беда не будет страшна.

Допоздна засиживались они на нашей маленькой кухне или в родительской комнате, курили и делились нескончаемыми историями из сибирской их жизни – далёкой и такой интересной. Я сколько мог, сидел с ними, норовя задержаться подольше, но мать гнала меня в постель, и никакие мои уговоры не помогали. Глотая слёзы, я шёл в свою кровать, лежал, как сейчас, глядя в потолок, на котором, дразня меня, висела клинышком полоска света из соседней, запретной теперь комнаты. Я дожидался, когда обо мне забывали, припадал ухом к двери, недалеко от которой стояла моя кровать, и жадно ловил голоса.

Случалось, наутро, стремглав вернувшись из школы, я приставал к отцу, требуя рассказать то, что говорил прошлой ночью дядя Прохор. Отец смеялся и никогда не отказывал мне.

Память у меня была хорошая и, стремясь поделиться со своими друзьями услышанными диковинами, я пересказывал эти байки. Но в моих устах они почему-то теряли свой блеск и остроту, друзья начинали скучать, и я смущённо замолкал.

Однажды в школе, на уроке литературы, нас заставили писать сочинение по «Грозе» Островского. Читал я всегда охотно и помногу, и с «Грозой» был знаком, но образ Катерины меня

не слишком интересовал и я, недолго думая, перенёс на разлинованные ученические листы одну из баек, что услышал от отца накануне. На бумаге это оказалось куда более гармонично склеенным между собой, откуда-то находились нужные и удивительно точные слова и выражения – и это притом, что я не стремился передать услышанную историю дословно, а излагал её своими словами.

В конце урока я положил исписанные листки в общую стопку на учительском столе и, предчувствуя недоброе, стал ждать.

Роза Сергеевна устроила скандал. Я был заклеимён как «выдумщик» и «самодур», а когда, пытаясь защищаться, сказал, что всё написанное мной – правда, а Катерину, как луч света в тёмном царстве мне просто жаль, но писать об этом мне не хочется, Роза Сергеевна подскочила ко мне, выволокла из-за парты, и отбуксировала к директору в кабинет, не забыв прихватить и моё несчастное сочинение.

Дмитрий Романович внимательно выслушал разгорячённую Розу Сергеевну и, сделав строгое лицо, попросил оставить нас наедине. Роза Сергеевна удалилась с чувством выполненного долга. Когда за ней закрылась дверь, Дмитрий Романович испытующе взглянул на меня и принялся читать злосчастное сочинение. Я терпеливо ждал продолжения бури. Когда директор дочитал до конца, его лицо выплыло из-за моих исписанных листков как солнце из-за туч, и напускной суровости на нём уже не было. Он как-то растерянно на меня посмотрел, хмыкнул и негромко сказал:

– А ты пиши, брат. Пиши и никого не слушай.

И, убирая куда-то к себе в стол тоненькие листки моего сочинения, хитро подмигнул мне и добавил:

– Только на уроках с этим погоди. Не то ещё не такая «гроза» разразится.

С тех пор, встречаясь с ним в школьных коридорах, мы неизменно здоровались, как добрые знакомые.

Его совету я последовал, только оказавшись в институте. Вспоминал байки отца и его друзей, продумывал стиль и структуру каждого, иногда что-то добавлял от себя, что-то убирал и потихоньку переносил на бумагу. Это стало своего рода хобби, будто я собирал какую-то коллекцию. Отец мой к тому времени уже не лазал по Сибири, но память моя хранила достаточное количество услышанных мною ранее историй, и новых вливаний как-то не требовалось.

Сначала мне и в голову не приходило показывать свой труд кому-нибудь. Не знал о нём даже друг Лёша. Остались позади годы учёбы в институте, мы разлетелись кто куда, Лёша стал работать мелким редактором в какой-то областной газетёнке. Редко мы встречались, выпивали, вспоминали безоблачные школьные годы, весёлое студенчество, смеялись и грустили, и вновь разъезжались в разные стороны.

Попав в редакцию журнала и отрабатывая свой хлеб, я писал требуемое, словно сочинение по какой-нибудь «грозе», сдавал Самсонычу и всегда волновался, что расстрою его не на шутку. Но Самсоныч ворчал что-нибудь обычное, в своём философско-унылом духе и в конце, как правило, выдавал одно и то же: «В набор!»

Иногда я задумывался, не пора ли попытаться сделать что-то настоящее и вспоминал об уже готовых рассказах. Я с сомнением листал их, мне казалось, что всё это несерьёзно, словно детская возня в песочнице, и снова убирал на антресоли. Один рассказ, правда, я всё-таки попробовал послать в несколько толстых журналов, но ответом мне была тишина. Я разуверился в них окончательно, они перестали быть мне интересными, а темы, за которую стоило бы взяться, как-то не находилось, и я возвращался в привычную, давно укатанную колею.

И вот однажды мы вновь встретились с Лёшкой у меня дома, захмелели до известной степени и разговорились «за жизнь», желая немедленно разобраться в смысле этого загадочного и малоизученного явления. Спор разгорелся не на шутку и Лёша почти слово в слово

повторил традиционное резюме моего Самсоныча и, тыча в меня пальцем, как красноармеец с плаката, грозно спросил:

– Писать надо, Андрюха, и писать не для редакций, и не для того, чтобы что-то доказать Розе Сергеевне, а для себя, в стол, в его величество Стол! Потому что лишь туда и стоит писать; ведь стол не выдаст гонорар и не посулит славу. Потому что в этом столе на самом деле оказываешься ты сам, как есть, не за кнут и не за пряник! И когда отлежится хорошенько в столе то, что ты туда накатал, да покроется благородной пылью, вот тогда это можно будет достать, и отнести в редакцию, и в конечном итоге – людям.

Я вспыхнул, полез на антресоли и вытащил оттуда все свои «таёжные рассказы». Лешка обалдело умолк, поворочил листы и погрузился в чтение.

Он читал всю ночь, а я сидел в углу, и мы курили, почти не переставая. Время от времени он смотрел на меня восхищёнными глазами, бормотал: «Вот дурак, еловая голова... Что же ты молчал?..» и снова углублялся в чтение.

Под утро, моргая покрасневшими усталыми глазами, Лёшка выпросил у меня несколько непочитанных рассказов и уволок с собой. Через три недели его не стало.

Я заскрипел зубами. Инфекционное отделение напомнило о себе уже знакомым возгласом: «Игнатий Савельевич, а шпроты можно?». Где-то совсем рядом звякнуло ведро и в мою палату въехала Ульяна в белом халате и с шваброй, и принялась елозить тряпкой по линолеуму.

Настроение у меня было такое отвратительное, что захотелось немедленно выпить. Но даже если бы сейчас, сию минуту на тумбочке возле моей койки возникла вожденная бутылка, я вряд ли бы рискнул влить в себя её содержимое: голова, правда, кружиться перестала, да и желудок обнадеживающе молчал, но в теле ощущалась неприятная слабость. Да и пьяный журналист, находящийся, как-никак в гостях, явление, прямо скажем, угрожающее авторитету не только всей прессы, но и гостям. Отключать мозги от изматывающего потока мрачных мыслей нужно было другим путём.

Я покосился на Ульяну – она как раз закончила с уборкой и, не обращая на меня ни малейшего внимания, мигмом прополоскала в ведре и отжала тряпку, подхватила своё хозяйство и выкатилась из палаты, оставив за собой запах хлора. Только этого мне не хватало. Я, морщась, сел на кровати. Тут дверь снова открылась, и я увидел Игнатия Савельевича – на нём поверх формы был надет белый халат, удивительно шедший ему. Есть люди, на которых даже затрапезный деревенский ватник выглядит элегантно – таких людей не одежда украшает, а они сами украшают её собой. Именно к этой категории человечества и относился Игнатий Савельевич.

Он приветливо мне кивнул и аккуратно присел на краешек стоящей неподалёку пустой койки. Затем он задал мне несколько скучных вопросов на тему моего самочувствия и разузнал поподробнее о том, что же я вчера употреблял внутрь.

– Значит, «пирожки горячия», – с мягкой улыбкой покачал он головой. – Что ж, бывает и похуже. Ничего, побудете у нас денёк, а завтра с утречка, я думаю, и вернётесь к своей работе. Может, о нас напишете.

– Может, – вздохнул я неопределённо.

Игнатий Савельевич поднялся, привычным движением поправил халат и сказал:

– Сейчас время завтрака. Вообще-то, у нас в отделении есть свой пищеблок. Но нынче, как видите, не сезон пищевых отравлений, – он тихонько постучал согнутым указательным пальцем по тумбочке. – На довольствии один майор Сафьянов – и то не доволен, слышали, наверно?

Я покивал, вспомнив дородного обладателя красного халата, а Игнатий Савельевич продолжал:

– А вам, поскольку вы практически здоров да еще являетесь гостем, я бы рекомендовал прогуляться до госпитальной столовой – отведать чайку, я думаю, вам не повредит.

Я молчал, прислушиваясь к мнению собственного желудка. От чая я бы не отказался, да и сидеть в палате было уже невыносимо.

– Ступайте, Андрей. Хуже не будет, – заключил Игнатий Савельевич, потрепав меня за плечо.

Вместе мы вышли в коридор.

– Пройдёте за калитку, а дальше по дорожке, и направо, – напутствовал он и скрылся за дверью своего кабинета. Я побрёл к выходу.

– Нельзя! – услышал я, едва выйдя на крыльцо.

У забора, где была привязана коза, разыгрывался очередной увлекательный и малопонятный спектакль. Уже знакомый мне дворник пытался отвязать козу от забора, отбиваясь от Ульяны.

– Нельзя!

– А я тебе говорю, Игнатий Савельич разрешили! – орала в ответ Ульяна, оттаскивая дворника в сторону. Но тот не уступал.

– Да что тебе всё неймётся-то со своим каменюкой?! – вопрошала Ульяна, крепко ухватив рукой конец верёвки, а другой перехватив дворника за штанину. Поняв неравенство сил, дворник бросил привязь и решительно направился в сторону крыльца. Даже не взглянув на меня, он прошёл мимо. Через несколько секунд из недр отделения донеслось:

– Игнат! Там коза у камня!

– Потерпи, Нолич. Я и так инструкцию нарушаю, да сам посудите – ну куда я её дену?

– Нельзя!

– Ну, привяжем её в другом месте, а вдруг она кору с деревьев пожрёт? А?

Воцарилась тишина. По коридору пробухали шаги и на крыльцо снова вышел дворник. Не останавливаясь, он прошёл до брошенной у калитки метлы. Ульяна победно глядела на него, уперев руки в свои необъятные бока, а неподалёку от камня отрешённо бродила Зебра. Я представил недавнюю борьбу, где в роли козы выступал бы я сам. Смешно не стало.

– Что, взял, Нолич? Иди, лучше делом займись.

Дворник угрюмо подобрал свою метлу и, обернувшись к Ульяне, спокойно сказал:

– Дура. Плохо это.

И пошёл прочь к своему домику.

– Сам дурак. Небось не проглотит она твой булыжник, – беззлобно отпарировала Ульяна и неторопливо заскользила к крыльцу, слегка покосившись на меня.

4

Рядом с главным, кирпичным зданием госпиталя, торец к торцу, стояло серое панельное двухэтажное строение. Неподалёку от входной двери, на скамеечке, сидел нахохлившийся боец в смело распахнутом больничном халате бурого цвета, придерживая красноречиво раскоряченные костыли. «Хирургическое отделение», – определил я. В просвет между этими двумя зданиями вела дорожка, плутая по небольшому больничному садочку и упираясь в ворота главного входа, видневшиеся отсюда. Параллельно основному корпусу и хирургическому отделению, со значением отделённые большой клумбой с россыпью красных и жёлтых, неведомых мне цветочков, располагались два барака, напоминающих наше инфекционное отделение. То, что было слева от меня, казалось необитаемым, зато к тому, что находилось справа, неторопливо шли, огибая клумбу, несколько занедуживших защитников отечества в одинаковых халатах. Этот барак и был, по-видимому, столовой.

По скрипучим половицам я миновал сумрачную тесную комнатку, на стене которой сиротливо белел листок с единственной различимой при таком освещении надписью «меню» и оказался в небольшом зальчике, уставленном столами и стульями. Свободных мест было предостаточно и, чтобы не стоять столбом при изучении незнакомой обстановки – куда идти, дабы получить чай, – я сел в углу у окошка за незанятый столик, на котором стоял нехитрый пластмассовый прибор со специями и гранёный стакан, из которого топорщились белые бумажные салфетки. Я почувствовал на себе взгляды и, привычно сотворив равнодушное лицо, отвернулся к окну. За деревьями виднелась крыша инфекционного отделения.

Не прошло и двух минут, как я услышал рядом с собой:

– Это вы корреспондент?

У моего столика стояла невысокая женщина, с любопытством разглядывая меня и теребя краешек синего передника, повязанного поверх белого, но уже не медицинского халатика. Не желая привлечь к своей персоне излишнее внимание, я кивнул и сразу почувствовал себя в центре вселенной. Всякий норовил рассмотреть меня наилучшим образом. Женщина наклонилась над столиком и, глядя на меня весёлыми, чуть смущёнными глазами, понизив голос, добавила:

– Офицерские столики там.

И показала – где. В указанном направлении сидели два типичных офицера, облачённых в спортивные костюмы. Хоть я и являлся офицером запаса после военной кафедры института, подобное деление на касты было мне безразлично, и я так же тихо ответил:

– Ничего. Мне тут больше нравится.

Женщина спросила:

– Покушаете чего-нибудь?

– Да нет. Чайку бы.

Женщина исчезла, и внимание ко мне стало ослабевать. Несколько солдат-срочников за соседними столиками вернулись к обозрению своих тарелок, а офицеры и вовсе не прекращали своего разговора, безразличные ко мне.

Скоро у меня на столе оказалось сразу два стакана свежесваренного чая и тарелка с сушками, обсыпанными маком. Судя по железным чайникам, населяющих другие столики, из которых трапезничающие время от времени плескали себе в стаканы светло-жёлтую жидкость, меня обслужили явно не по уставу сего хлебосольного заведения: как же, корреспондент наведалься, пусть и проездом, напишет ещё про отсутствие чая в кипятке. Интересно, что бы было, прояви я желание откушать что-либо по полной программе. Глядишь, притащили бы мне черпаховый суп.

Я не стал пренебрегать сушками и, оглушительно дробя их зубами, с удовольствием прихлёбывал ядрёный чай, ненавязчиво блуждая взглядом по соседским столикам.

В зальчике сидели совершенно незнакомые люди и мало того, что были мне чужими, но и казались к тому же абсолютно неинтересными. Для многих из них – если не для всех – и я был тем же самым: всего лишь деталью окружающего их пространства. Но если разобраться, каждый из находящихся здесь людей был уникальным существом с неповторимой, одному ему предназначенной судьбой. И в жизни каждого из них наверняка нашлись бы моменты, достойные пера Достоевского или Толстого. Залезешь на крышу высокого дома, посмотришь вниз – и людей-то не увидишь, так, шевелятся точки какие-то внизу. А опустишься на землю – каждая такая точка превращается в точку мироздания, в отдельный его кирпичик. Вникнешь в суть этого кирпичика и увидишь Вселенную. Вот только увидеть не всегда получалось, но уж взглядевшись, можно было и восхититься, и ужаснуться.

Только начав работать журналистом, и разъезжая по городам и весям по заданию редакции, я встречался с людьми – как правило, с обычными, «маленькими» людьми – разговаривал с ними, составляя очерк или статью, и пытался разглядеть в этих маленьких людях именно Людей, с большой буквы «Л». И зачастую не мог этого сделать, даже если они легко шли на контакт (что было отнюдь не всегда), и охотно раскрывали свою душу (явление совсем уже маловероятное). Я искал в их душах полёт, какую-то мечту – настоящую, заветную, но находил именно «какую-то». Все их внешние успехи и достижения проистекали от мелкого желания устроиться в этой жизни, урвать причитающийся им кусок. Всем им было что-то нужно здесь, каждый хотел взять, а вот отдавать желали очень немногие. Встречался я и с такими альтруистами: серыми, незаметными, сломленными жизнью людьми, и с ужасом задавался вопросом – отчего они такие? Ведь ими двигали благородные помыслы! Я пытался понять, что с ними произошло, и выслушивал истории их жизней.

Поначалу они суетились, энергия была из них фонтаном – они не жаждали славы и денег, они просто постоянно пытались всем помочь, выбиваясь из сил, натирали мозоли и срывали горло, поскольку, помимо помощи деньгами и личным участием, очень любили давать советы. Они пытались осчастливить всех и каждого и неизменно получали по морде, что не охлаждало их пыл (они даже гордились следами от пощёчин, с готовностью подставляя под очередную оплеуху ещё не пострадавшую часть тела); они снова лезли в эти благие дебри, даже не подозревая, что устилают ими путь известно куда. Так эти странные люди бежали, шли и потом уже тащились по жизни, превращаясь в жалких неудачников, имеющих редкостный дар – раздражать абсолютно всех: и врагов и друзей (увы – немногочисленных). Они слыли идеалистами и идиотами, чудаками и чужаками, и оседали где-то по краям жизни, на берегах её потока, сидя у своих разбитых лодок, с грустью провожая взглядом чьи-то сверкающие яхты. Они ещё кричали с берега что-то вроде: «Опомнитесь! Куда плывёте? Жить нужно по-другому!», но их никто не слушал.

С ужасом вникая в эти жуткие биографии, я не верил, что доброта бывает наказуема, но глядя на этих людей, отмечал про себя, что они мне, почему-то, несимпатичны. Они были обессилены и вызывали лишь жалость.

Со страхом ожидая сугубо взрослого подтверждения детской мультяшной песенки со словами: «Кто людям помогает, тот тратит время зря, хорошими делами прославиться нельзя», я исследовал истории жизни эгоистов и откровенных негодяев.

Они строили блестящую карьеру, множили своё благосостояние, гордились своими успехами, холили себя и лелеяли. Им многое удавалось и удавалось легко, некоторых неудачи вообще обходили стороной. У них было всё, что можно в этой жизни купить, отсутствовали лишь настоящие друзья и – что явилось для меня открытием – настоящие враги. Если враги и были, то они представляли собой жалкое зрелище, были все как на подбор мелкими, банальными завистниками. Равных же соперников у этих счастливицков не наблюдалось. А время

шло, и счастливики эти теряли свой задор и энергию молодости, дряхлели, и им уже было наплевать на те радости жизни, что прельщали их раньше. Они становились раздражительными, брюзгливыми, не понимая причин своей смертельной тоски, смотрели на молодых и, страшно завидуя им, принимались, как и чудаки-альтруисты, бесконечно учить их жизни и критиковать любой их шаг, пусть даже и одобряемый ими самими глубоко внутри.

Глядя на всех этих людей – на преуспевающих карьеристов и несчастных неудачников, – я пытался определить, где находится та самая золотая середина, к которой бы мне самому хотелось примкнуть, и не находил. Я заполнял заметками свои блокноты – на будущее, в которое верил и ждал, что ещё чуть-чуть и мне всё станет ясно, и я обязательно пойму, как надо жить. И непременно напишу то, что давно вертится на языке – возможно, обо всём этом, – но пока всё, как-то, не даётся. Но время шло, а ответ всё не находился и таяла моя вера в удивительный рецепт, одинаково подходящий всем без исключения людям, непременно сделавший их счастливыми. И совсем уже не писалось мне, и тошно было от этого, хотелось с чего-то начать, потому что я знал уже по своему небольшому, но опыту, как важно именно начало. Оно становится точкой отсчёта, стартовой площадкой. Работая даже над какой-нибудь тусклой статьёй, я увлекался, непонятно откуда вдруг возникали нужные, интересные мысли. Но часто они уводили меня в сторону от темы статьи, начинали жить как бы собственной жизнью. Я останавливался, понимая, что к статье это уже не имеет никакого отношения, возвращался к редакционной теме, проклиная свою работу, и на этом всё заканчивалось. Я снова и снова пытался найти такую точку отсчёта, но найти не мог, хотя чувствовал, что она где-то рядом. В моей голове был рассыпан бисер отдельных, разрозненных мыслей, но я никак не мог найти ту нить, что смогла бы объединить их вместе, в некое единое целое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.